

UNITED WISDOM

Синто: место, ритуал и присутствие ками

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-27-N01 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Синто: место, ритуал и присутствие ками

«Это правило благопристойности».

Конфуций, «Лунь юй», III.15, ответ о расспросах в Великом храме. Собственный перевод с английского перевода James Legge; текст и локатор. Сравнительный эпиграф относится к конфуцианству; он не приписан синто.

О чём эта статья

Синто часто представляют как любовь к природе без догматов. Такое описание улавливает часть современной самопрезентации, но оставляет за кадром святилища, служителей, мифы, исторические преобразования и разные формы почитания. Ками тоже трудно перевести одним словом: речь может идти о мифологических божествах, связанных с природой силах или почитаемых людях. Это не общее название для всего, что кажется прекрасным.

Мы рассмотрим синто через три взаимосвязанные стороны: присутствие ками, конкретность места и ритуальную работу. Важен и исторический вопрос: как почитание, связанное с локальными общинами, взаимодействовало с буддизмом и политической властью. Современные объяснения Jinja Honcho и отдельных святилищ здесь сопоставляются с исследованием истории обрядов. Так можно понять традицию, не превращая её ни в неизменную национальную сущность, ни в универсальную технику осознанности. Практическая часть посвящена внимательному чтению и уважительному посещению; она не предлагает присвоить себе чужое религиозное действие.

I. Ками: слово, которое нельзя заменить одним привычным понятием

Вода стекает с руки, и несколько капель падают на камень. За воротами святилища город продолжает жить: кто-то опаздывает, кто-то ищет нужный выход из метро. Здесь не требуется перестать быть городским человеком. Но движение меняется. Перед входом в место почитания человек совершает небольшой жест, который нельзя полностью понять, если увидеть в нём только гигиену или способ успокоиться.

Этот условный эпизод не описывает единственное правильное посещение японского святилища. Он обозначает вопрос: что происходит, когда место, вода, поклон и обращение к ками образуют одно действие? Чтобы ответить, придётся отойти и от

туристического изображения «таинственной Японии», и от представления, будто любую религию можно пересказать набором внутренних состояний.

Ками — центральное слово синто, но знакомые русские переводы дают только частичную помощь. «Бог» может вызвать представление о едином Творце; «дух» — о бесплотном существе; «энергия» — о физической величине. Ни один из этих переносов нельзя принимать без уточнения. В собственном объяснении Jinja Honcho ками связаны и с природными явлениями, и с предками, и с людьми, получившими особое почитание. Это институциональное самоописание, а не измерение невидимой силы.

Полезно представить различие между названием и отношением. Если гора почитается в конкретной традиции как связанная с ками, мы узнаём не только, к какому классу объектов её относят. Мы узнаём, как к ней обращаются, какие истории с ней связывают, где допустимо пройти и какие действия считаются уместными. Перевод, который сохраняет только объект, но теряет отношения, делает описание беднее.

При этом не следует заключать, что каждый предмет автоматически является ками или что все ками одинаковы. Святилище может почитать определённых ками, причём значение одного и того же имени меняется в зависимости от места и местного акцента. Слово «присутствие» в таком контексте означает религиозно понимаемое присутствие, а не гипотезу, подтверждённую прибором. Читатель вправе не разделять веру и всё же точно понять, что утверждает её носитель.

Именно здесь начинается содержательный межкультурный разговор. Вместо поспешного вопроса «существует ли это на самом деле?» можно сначала спросить: «О чём говорится, когда здесь произносят это имя?» Первый вопрос остаётся возможным, но без второго он направлен на понятие, которого мы ещё не поняли. Уважение к традиции не требует заранее согласиться с её картиной мира; оно требует не опровергать собственный неточный перевод.

Отказ от единственного перевода не делает слово непостижимым. Мы постоянно понимаем знакомые понятия через случаи употребления: дом бывает зданием, семьёй, местом возвращения. Но сходство этой языковой ситуации не означает сходства самих понятий. Оно только объясняет, почему определение иногда приходится разворачивать. С ками полезно поступать так же: узнавать конкретный случай почитания, затем сопоставлять его с другим. Получится рабочее понимание, допускающее уточнения. Оно надёжнее мгновенной уверенности, будто неизвестное слово уже полностью совпало с одним из наших привычных слов.

II. Святилище — место отношений, а не декорация веры

Дзиндзя, или jinja, — священное место почитания одного либо нескольких ками. Оно не обязательно устроено как знакомый европейскому посетителю храм. В объяснении Jinja Honcho отмечается, что особо почитаемое присутствие может быть связано со зданием, горой, островом, водопадом или участком леса. Некоторые пространства недоступны посетителю или даже скрыты от взгляда. Поэтому красивое фото не даёт полного представления о том, как устроено это место.

Граница здесь имеет смысл. Она отделяет не просто более тихую территорию от более шумной. Ворота, путь, пространство для обращения и закрытое святилище организуют разные способы приближения. Человек может оказаться желанным гостем, не получая доступа ко всему. Это вполне последовательная позиция: приглашение и ограничение не исключают друг друга.

Для понимания места важно знать, кого здесь почитают и кто поддерживает его жизнь. Без этих вопросов святилище становится универсальным символом «восточной духовности». Между тем ежедневное обслуживание, календарь, местная община и работа служителей создают конкретную форму присутствия традиции. Даже если посетитель пришёл ненадолго, место существовало до его впечатления и продолжит существовать после него.

Современный условный пример помогает увидеть разницу. Два путешественника посещают одно святилище. Один выбирает лучший ракурс ворот. Другой читает название, узнаёт, какое пространство закрыто, и обращает внимание на объявления местной общины. Оба могут быть впечатлены архитектурой. Но второй узнаёт, как место действует, а не только как выглядит. Это различие не делит людей на «духовных» и «поверхностных»; оно показывает два разных предмета внимания.

Место в синто не сводится к личному переживанию гостя. Оно имеет собственную историю, принадлежности и обязанности. Признать эту самостоятельность — значит позволить ему быть больше, чем удобной сценой для нашей внутренней жизни.

III. Мифы дают язык отношениям, но не заменяют историческое исследование

Современное святилище может рассказывать мифы так, чтобы читатель увидел связь ритуала с деяниями ками. Например, в опубликованном рассказе Jinja Honcho об Идзанаги путешествие в страну мёртвых и последующее очищение входят в историю появления Аматэрасу и других ками. Это религиозный сюжет, а не протокол происхождения природных процессов. Его важность нельзя ни доказать, ни отменить попыткой прочитать его как современную биологию.

Миф не обязательно является скрытым психологическим советом. Можно заметить в нём утрату, запрет, нарушение границы и возвращение; однако такое чтение будет нашей интерпретацией, а не установлением единственного смысла традиции. Тем более нельзя превращать Идзанаги в клиента современной терапии, а очищение — в древнюю формулу эмоциональной саморегуляции.

Другой официально изложенный сюжет — о небесной пещере — соединяет исчезновение света с согласованными действиями множества ками. В нём участвуют изготовление предметов, подношения, обращение и танец. Сюжет позволяет увидеть, что религиозное действие может быть сложным совместным делом, а не только внутренней мыслью отдельного верующего. Но делать из него универсальный закон управления командами было бы чрезмерным переносом.

Есть ещё различие между древним произведением и сегодняшним пересказом. На странице организации мы читаем, как она публично объясняет миф сейчас. Мы не получаем автоматически весь текст «Кодзики» или «Нихон сёки», их варианты и историю комментариев. Это ограничение сохраняет важный вопрос: какую часть наследия выбрал конкретный рассказчик и для какой аудитории?

Точность здесь делает чтение интереснее. Мифическая история не обязана пройти экзамен по геологии, чтобы стать предметом внимательного разговора. Но она также не освобождает автора от обязанности сказать, что именно прочитано: древний текст, перевод, фрагмент или современное самоописание.

Для исторического вопроса полезно отдельно спросить, кто пересказывает миф сегодня и к какой аудитории обращается. Для религиозного вопроса — какое отношение этот рассказ поддерживает внутри традиции. Для личного чтения — какие образы привлекают наше внимание. Совмещение этих вопросов допустимо, пока ответ на один не выдаётся за ответ на остальные. Красота рассказа не датирует учреждение, а историческое исследование не исчерпывает веру человека, который обращается к ками.

IV. Очищение: действие перед обращением

Очищение в синто нельзя объяснить одной формулой «смыть плохие мысли». В описании мацури Jinja Honcho говорит о ритуальном приготовлении участников и служителей, подношениях и молитвах. На той же странице очищение принадлежит устройству религиозного события. Оно связано с тем, как человек приступает к обращению, а не только с тем, как он оценивает собственное настроение.

Когда современный наблюдатель видит воду или очистительный жест, ему легко сразу перевести происходящее на язык личной эффективности. «Этот обычай помогает переключиться». Возможно, конкретный человек действительно испытывает такую перемену. Однако описание переживания не исчерпывает смысл обряда. В традиции действие обращено к отношениям с ками и к религиозно понимаемому порядку участия.

Чтобы не потерять этот смысл, полезно различать три предложения. «В этом месте перед обращением совершают такое действие» — описание обычая. «Участник понимает его как очищение» — описание веры и значения. «После него человек спокойнее» — утверждение о переживании, которое требует отдельного основания. Эти предложения могут оказаться совместимыми, но ни одно не доказывает другие автоматически.

Не менее важно не превращать религиозный язык чистоты в оценку достоинства человека. Понятия ритуального порядка не дают внешнему автору права объявлять людей «грязными», неполноценными или заслуживающими исключения. Исторические и локальные условия конкретного обряда следует выяснять отдельно. Бытовая моральная метафора может здесь незаметно заменить термин традиции и создать ложный смысл.

Посетитель способен участвовать уважительно и без претензии на полное понимание. Можно прочитать доступную инструкцию, следовать правилам места и не использовать обряд как представление для камеры. Понимание иногда начинается не с сильного переживания, а с отказа торопиться с объяснением того, что ещё не стало знакомым.

V. Мацури: торжественность и праздник в одном событии

Мацури — не просто японское слово для фестиваля. В современном самоописании Jinja Honcho оно связано с почитанием ками, благодарностью, подношениями и общиной. Одни события остаются внутри святилища, другие включают шествия и публичное празднование. Даже очень оживлённая форма не означает, что религиозная сторона исчезла. И наоборот, присутствие веселья не делает церемонию менее серьёзной.

Этот союз трудно увидеть, если считать, что сакральное обязано выглядеть только неподвижным, тихим и индивидуальным. Совместный труд, движение, приготовление пищи и смена ролей тоже могут принадлежать религиозной жизни. Но нельзя из одного

наблюдения выводить одинаковый сценарий для каждого святилища. Локальный календарь и история имеют значение.

Что меняется, когда событие возвращается каждый год? Оно перестаёт зависеть лишь от того, захотел ли отдельный человек вспомнить о важном. Возникает время, которое подготовлено заранее и существует для многих. Такое возвращение поддерживает узнаваемость формы, но не гарантирует одинакового отношения всех участников. Кто-то приходит из веры, кто-то по семейному обычаю, кто-то выполняет необходимую работу. Эти различия заслуживают внимания, а не подозрения в недостаточной искренности.

Условная современная сцена: взрослый человек впервые помогает на местном празднике, которым раньше только любовался. Он обнаруживает, что за несколькими минутами шествия стоят часы организации, распределённые обязанности и знание порядка. Теперь мацури для него не только зрелище. Такая перемена взгляда объяснима без приписывания ему нового религиозного убеждения.

Праздник показывает, насколько неполно описание культуры одними идеями. Можно правильно перечислить имена ками и всё ещё не понять, как передаётся привычка действовать вместе. Синто становится видимым в этой работе: не только в том, что говорится о мире, но и в том, как люди готовят место и время для почитания.

VI. Исэ: календарь, рис и обновление святилища

Исэ даёт особенно ясный пример соединения места, подношения и повторения. Его официальная страница обрядов связывает годовой календарь с выращиванием риса и описывает Каннамэ-сай как принесение первого урожая. Там же изложена практика Сикинэн сэнгу: строительство нового святилища на соседнем участке и перенос в него почитаемого присутствия. Перед нами конкретная традиция Исэ, которую нельзя автоматически распространить на все дзиндзя.

Здесь возникает интересная проблема сохранения. Обычно старину представляют как неизменность исходного материала: тот самый камень, та самая доска. В обновлении здания преемственность организована иначе. Значение могут сохранять форма, действия, навыки и отношения, тогда как вещественная оболочка меняется. Это не означает, что материальное вообще не важно; напротив, его изготовлению и переносу уделяется сложная ритуальная работа.

Можно рассмотреть эту логику без превращения её в универсальную философию японцев. Сохранение бывает связано и с удержанием старого предмета, и с воспроизведением формы, и с передачей умения. Конкретный случай заставляет внимательнее выбирать слово «подлинный». Что именно мы хотим сохранить: возраст

материала, способ изготовления, религиозную связь, коллективную память? Ответ зависит от предмета, а не от общего лозунга.

При этом официальный рассказ Исэ имеет собственный религиозный и императорский контекст. Обряды не становятся нейтральным курсом устойчивой архитектуры только потому, что современному читателю нравится идея обновления. Их полезно обсуждать также как самоописание институции, в которой соединены почитание Аматэрасу и определённая историческая преемственность.

Такой подход оставляет место восхищению, но делает его точнее. Мы можем увидеть красоту в сохранении навыка, не объявляя всякое обновление равнозначным этому обряду. И можем задать вопрос о нашей собственной работе с наследием, ясно признавая, что этот вопрос возник при чтении, а не был выдан традицией как обязательная инструкция.

VII. Средневековый календарь связывал святилище, двор и буддийскую службу

Историческое изменение становится видимым, когда у него появляется место и время. Сузуки Сатоко исследует святилища из группы двадцати двух, тесно связанных с императорским двором. В её обзоре конца XI — начала XII века буддийские монахи входят в святилищные организации, а буддийские службы закрепляются в календаре. В пределах одной территории могли действовать разные служители и существовать сооружения для чтения и хранения сутр. Исследование, первые пять страниц PDF.

Эта подробность меняет вопрос о взаимодействии. Перед нами не только похожие слова двух религий, но организация работы: кто проводит службу, где она происходит, как часто возвращается. Представим различие между редким визитом гостя и постоянным местом в расписании. Во втором случае отношение поддерживается временем, обязанностями и ресурсами. Оно влияет на жизнь учреждения даже тогда, когда никто не формулирует общего философского учения.

Ещё конкретнее пример Камо Вакэикадзути. По записи 1303–1306 годов Сузуки восстанавливает сезонный обряд: открытие святилища, распределённую между служителями передачу подношений, молитву, затем трапезу в другом месте. Существенна последовательность, а не только перечень предметов. Закрытое пространство открывается для определённого действия; после обращения меняются место и форма участия. Одна фотография подношения не показывает этой временной структуры.

Из случая можно сделать собственный аналитический вывод: повторяемая церемония одновременно поддерживает отношение к ками и воспроизводит согласованную работу людей. Знать свой момент действия — значит знать место среди участников. Если мы называем это только выражением личной веры, исчезает устройство совместного труда. Если только административной процедурой, исчезает адресат обращения. Конкретный обряд заставляет сохранить обе стороны.

Двор здесь также не просто далёкий символ власти. В постановке исследования святилищные события сопоставляются с придворным сезонным календарём. Но знакомая дата и сходная форма ещё не позволяют считать каждую церемонию прямым приказом правителя. Для такого вывода нужна история отдельного случая. Политическая связь может действовать через престиж образца, поддержку учреждения или распределение роли; эти отношения следует различать.

Так становится понятнее преемственность. Люди могут переживать обычай как возвращение к давнему порядку, хотя исследователь обнаруживает время его закрепления и участников изменений. История не отменяет религиозного значения. Она показывает, благодаря каким действиям форма получила возможность возвращаться. Современный посетитель встречает не неподвижную сущность Японии, а место, чья устойчивость поддерживалась переменами и работой многих поколений.

VIII. Отсутствие единого догмата не означает отсутствие мысли

Фраза «у синто нет основателя и единого священного писания» часто приводит к неверному выводу: будто здесь вообще нет представлений, толкований или различий позиций. Но отсутствие одного центра догматической нормы и отсутствие содержательного мышления — разные вещи. В самоописании Мэйдзи дзингу присутствуют ясные ценностные слова, в том числе искреннее сердце, magokoro. А публикации святилищ объясняют ками, мифы и способы обращения.

Уже сравнение этих объяснений показывает, что они адресованы определённым читателям. Одно знакомит международного посетителя с общими понятиями; другое говорит о конкретной святыне; историческое исследование ставит вопрос о возникновении обряда. Не стоит ждать от всех трёх одного жанра. Различие задач помогает понять, почему их языки не совпадают буквально.

Показательно и предупреждение самой Jinja Honcho о разнообразии дзиндзя: местные инструкции могут отличаться от общих. Если автор статьи забывает эту оговорку, он делает официальный источник более категоричным, чем тот является. Точная передача

традиции иногда начинается с сохранения её собственной скромности в отношении универсальных правил.

На уровне нашего анализа это означает: можно говорить о повторяющихся признаках, оставляя пространство исключениям. Утверждение «часто встречается» не становится «обязательно существует везде». И конкретный служитель не обязан выступать от имени каждой школы, семьи и местного обычая. Так сохраняется живое многообразие без отказа от понятного общего описания.

Серьёзное внимание к синто требует больше, чем восхищение отсутствием догм. Оно требует читать то, что люди действительно говорят о почитании, замечать, какие различия для них важны, и не приписывать им удобную для нас философию. Традиция может быть ритуально ориентированной и при этом содержать сложную работу смысла.

IX. Природа здесь не обязана быть приятной

Почитание природы легко превратить в красивую открытку: лес, вода, цветение, гармония. Однако в объяснении ками Jinja Honcho прямо присутствует суровая сторона природы. Уважение обращено не только к тому, что утешает. Это важная поправка к романтическому образу религии, будто она основана на убеждении, что природный мир всегда заботится о человеческом удобстве.

В нашем аналитическом чтении отсюда возникает иной вопрос: как человек живёт с тем, от чего зависит и чем не управляет полностью? Религиозное обращение предлагает свой способ таких отношений. Но оно не отменяет строительства, прогнозов, ухода за местом и обычной практической работы. Мы не получаем из почитания ни доказательства сверхъестественной защиты, ни разрешения пренебрегать известными опасностями.

Различие между благодарностью и гарантией особенно существенно. Благодарить за полученное можно без утверждения, что благополучие будет вечным. Просить о защите — без обещания, что просьба обязательно исполнится. Если внешняя статья переводит веру в гарантированный результат, она добавляет в традицию утверждение, которого не вправе делать.

Условный городской пример позволяет рассмотреть это без религиозного заимствования. Человек начинает воспринимать реку не только как вид из окна, но как источник воды, часть места и силу, которая требует внимания. Изменившийся взгляд может породить ответственное действие. Но назвать такой взгляд «синто» только из-за уважения к реке было бы неточно: для религиозной принадлежности и традиционного почитания нужно больше, чем совпадение одного мотива.

Именно способность выдерживать эту границу позволяет учиться при встрече с чужой культурой. Можно заметить важный вопрос о зависимости, не объявляя свою интерпретацию древним учением и не выдавая всякую заботу о природе за подтверждение присутствия ками.

X. Финал: присутствие, которое не сводится к нашему впечатлению

Понять синто — значит позволить знакомым словам стать немного менее удобными. «Природа» оказывается и благословением, и суровой зависимостью. «Храм» — местом с разными границами доступа и собственным календарём. «Традиция» — преемственностью, внутри которой происходят исторические перемены. «Ритуал» — обращением и совместной работой, которую нельзя исчерпать личным настроением участника.

Ками остаются ками: термином конкретной религиозной жизни, не замаскированной физикой и не поэтическим названием любой понравившейся вещи. Такое сохранение слова помогает не торопиться с присвоением. Мы можем понять часть отношений, которые оно обозначает, не объявляя себя их полноправными толкователями.

Синто даёт содержательный повод задуматься о том, как место существует дольше нашего визита. Дорожку очищают люди, которых мы не встретили; календарь подготовлен трудами, которых мы не видели; закрытая область имеет значение и тогда, когда не попадает на фотографию. Внимательный взгляд замечает эту независимость. Мир не становится менее интересным от того, что не весь предназначен для нашего немедленного использования.

И здесь возможен личный вывод, ясно отделённый от религиозного учения. Встреча с традицией может научить спрашивать о месте прежде, чем превращать его в символ себя. Кому оно принадлежит? Как поддерживается? Что здесь почитают? Каких действий от гостя ожидают? Эти вопросы не заменяют синто, но позволяют приблизиться к нему без поспешного перевода.

Несколько капель воды в начале пути не обязаны сообщить посетителю тайну вселенной. Иногда они обозначают более трудное и более простое: остановиться перед чужим пространством, понять, что здесь происходит, и войти с вниманием к тому, что продолжает жить независимо от нас.

Что это значит на практике

Для читателя за пределами традиции полезная практика начинается с конкретизации. Выберите одно святилище, доступное для посещения или публичного изучения. Узнайте его название, почитаемых ками и хотя бы один обычай из собственного объяснения этого места. Запишите, что вам удалось установить, а что остаётся вопросом. Такой небольшой шаг даёт больше, чем попытка за вечер «понять всю японскую духовность».

Если посещение реально, следуйте правилам конкретного святилища. Общая страница о дзиндзя прямо просит отдавать приоритет местным указаниям. Открытая территория не означает права заходить в закрытое пространство, снимать любую церемонию или мешать участникам. При сомнении можно наблюдать из разрешённого места и отказаться от действия, смысл которого неясен.

После чтения или посещения полезно разделить заметку на три части. В первой — что действительно сказано или увидено. Во второй — как это объясняет источник или носитель традиции. В третьей — какие вопросы и аналогии возникли лично у вас. Например: «в календаре есть благодарственное подношение урожая»; «святилище связывает его с Аматэрасу»; «я задумался, как замечаю чужой труд, от которого зависит моя жизнь». Последняя строка может быть содержательной, но не является пересказом синто.

Эта практика не требует принимать веру, отказываться от неё или демонстрировать особенное переживание. Её результат скромнее и надёжнее: вы узнаете одно место точнее и увидите границу между его смыслом и собственной реакцией. Иногда именно эта граница открывает возможность настоящего разговора.

Если хочется продолжить, двигайтесь от конкретного источника к следующему вопросу. Не всякая интернет-подборка «японских секретов жизни» сообщает о синто; проверяйте, кто объясняет понятие, на какой версии истории стоит рассказ и какие местные различия остаются за пределами текста.

Ключевая цитата

«Искреннее сердце».

Meiji Jingu, *About Shinto*, первый абзац: пояснение слова *magokoro*. Собственный перевод английского фрагмента *sincere heart*; официальный текст.

Короткое выражение помогает увидеть нравственную сторону самоописания святилища. Оно не даёт универсального теста духовной подлинности и не заменяет местные

способы участия. Искренность посетителя имеет значение вместе с вниманием к тому, что происходит вокруг него.

Связи между традициями

Линия сравнения	Первая сторона	Вторая сторона	Основание и граница
Ритуальное внимание	Источник	Конфуций, III.15	В обеих традициях уместность требует узнавать порядок действий; китайский храмовый контекст не объясняет японское святилище.
Присутствие и память	Источник	Конфуций, III.12	Почитание допускает разговор о присутствии; родственное жертвоприношение и множество ками не тождественны.
Место и община	Источник	Ngāi Tahu, whakapapa	Место связано с отношениями людей и историей; whakapapa нельзя переводить словом ками.
Ответственность гостя	Источник	Саамский парламент	Обе стороны задают условия посещения; туристическая этика не является общей религиозной доктриной.
Почитание и поклонение	Источник	Катехизис, §§956–958	Сравнение требует уточнять адресата действия; католическое различение почитания и поклонения не устанавливает категории синто.

Линия сравнения	Первая сторона	Вторая сторона	Основание и граница
Преемственность через действие	Исэ: Сикинэн сэнгу	Ngāi Tahu: whakapapa	Оба объяснения связывают настоящее с предшествующим; обновление здания и передача ремесла в Исэ не равны отношениям происхождения конкретного iwi. Сравнивается способ продолжения, не единая теория наследия.

Первоисточники

1. Jinja Honcho. What is Shinto? — современное институциональное самоописание, общие понятия и место мифов.

2. Jinja Honcho. Kami — виды почитаемых ками и благотворная/суровая сторона природы.

3. Jinja Honcho. Jinja — устройство священного места, местное разнообразие и правила участия.

4. Jinja Honcho. Matsuri — ритуалы, подношения, очищение и формы празднования.

5. Jinja Honcho. Yomi-no-Kuni and Amaterasu-Omikami — современное изложение мифа; не полное чтение древних сводов.

6. Jinja Honcho. The Cave of the Heavens — современное изложение сюжета об Аматэрасу.

7. Ise Jingu. Rituals and Ceremonies — официальный календарь и описание Сикинэн сэнгу.

8. Meiji Jingu. About Shinto — самоописание святилища и значение magokoro.

9. Suzuki Satoko. The Background to the Formation of Shinto Shrines' Annual Events: Seasonal Celebration Rites, перевод Dylan Luers Toda, Kokugakuin Japan Studies 4, 2023 — прочитаны введение и начало исторического анализа, страницы PDF 1–5.

• Конфуций. Лунь юй. Перевод James Legge; выборочно III.12, III.15, XIII.3. — сравнительный контекст; самостоятельные полные корпуса традиций не прочитаны.

• Саамский парламент Финляндии. Ethical Guidelines for Sámi Tourism. Публичная поясняющая страница. — сравнительный контекст; самостоятельные полные корпуса традиций не прочитаны.

• Te Rūnanga o Ngāi Tahu. Ngāi Tahu. Прочитан публичный раздел о whakapapa и истории. — сравнительный контекст; самостоятельные полные корпуса традиций не прочитаны.

• Катехизис Католической церкви, §§946–961. Официальный английский текст. — сравнительный контекст; самостоятельные полные корпуса традиций не прочитаны.

Теги

синто, ками, святилище, дзиндзя, мацури, Исэ, Мэйдзи дзингу, Аматэрасу, миф, очищение, подношение, магокоро, Япония, религиозная история, ритуал, место, сезонность, календарь, община, природа, сравнительное религиоведение, перевод, гостеприимство, посещение, традиция, самоописание, исторический контекст, буддизм, почитание, межкультурный диалог

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.